

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

Разказы В. И. Даля о временахъ Павла I.

1) Отецъ мой служилъ въ Гатчинѣ при вел. кн. Павлѣ Петровичѣ. оставилъ мѣсто это по неприятностямъ, о коихъ никогда не говорилъ мнѣ, но о личности велик. князя, между прочимъ, разказалъ мнѣ слѣдующій случай. Въ Гатчинѣ стоялъ одинъ изъ конныхъ полковъ, и вел. кн. ежедневно бывалъ на разводѣ и ученьяхъ.

Майоръ Фрейгангъ, по какому-то недоразумѣнью, опоздалъ къ разводу. Вел. кн. встрѣтилъ его такъ, что тотъ, просидѣвъ нѣсколько минутъ передъ нимъ молча съ опущеннымъ палашемъ на сѣдлѣ, вдругъ свалился, какъ снопъ, наземь. Вел. кн. требовалъ отъ врача, отца моего, ежедневно по два раза, устнаго донесенія о положеніи пораженнаго ударомъ, и призвалъ тотчасъ къ себѣ оправившагося больного. Встрѣтивъ его, подавъ ему ласково руку и посадивъ его, вел. кн. спросилъ по-нѣмецки:

— Bin ich ein Mensch (человѣкъ ли я)? и на молчаніе Фрейганга повторилъ свой вопросъ, а на отвѣтъ: да, продолжалъ:

— „So kann ich auch irren (тогда я могу и ошибиться)!

И далѣе: „Sind Sie Mensch“ (и вы человѣкъ)? — „Человѣкъ, в. и. высочество“.

— Dann können sie auch verzeihen (тогда вы конечно умѣете прощать)!“ и обнялъ его.

2) Генералъ Саложниковъ передалъ мнѣ слышанное имъ лично отъ извѣстнаго генерала Яхонтова, бывшаго пажемъ при дворѣ.

Императоръ жилъ лѣтомъ въ Гатчинѣ, въ весьма тѣсномъ дворцѣ, стоящемъ полуругомъ на площади. Государь обѣдалъ рано и обычно садился послѣ этого въ большія кресла, прямо противъ растворенныхъ на балконъ дверей и отдыхалъ. Объ эту пору вся Гатчина замирала въ молчаніи; махальные отъ дворцоваго караула выставлялись по улицамъ, ведущимъ на площадь, ѣзды по городу не было. Въ такую-то пору шелъ по направленію ко дворцу пажъ Яхонтовъ и пройдя тихонько по стѣнкѣ до того мѣста, гдѣ внизу во дворцѣ жили фрейлины, вздумалъ пошалить: вскочивъ на подстѣножь, онъ приплющилъ лицо къ оконницѣ, оградившись съ боковъ отъ солнца ладонями, и раскланиваясь съ коротко знакомыми ему дѣвицами, началъ корчить рожи, чтобы ихъ разсмѣшить. Тѣ, зная общую слабость свою, съ трудомъ удерживаясь отъ хохота, стали отгонять его знаками, указывая на верхъ и объясняя приложеніемъ руки къ наклоненной головѣ, что государь отдыхаетъ. Пажъ, или камерпажъ, видно не расположенъ былъ кончить этимъ шалость свою, и внезапно, во все безумное горло свое, пустилъ сигналъ: „слу-ша-ай!“ Соскочивъ съ подстѣнка, онъ тихо и быстро побѣжалъ далѣе, выбрался съ площади на улицу, и былъ таковъ. Можно себѣ представить, какая тревога поднялась во дворцѣ, когда это сумасбродное слушай, среди бѣлаго дня, раздалось подъ раствореннымъ балкономъ отдохавшаго государя! Императоръ вскочилъ и позвонилъ: „кто кричалъ слушай?“ спросилъ онъ внѣ себя, но съ видимымъ наружнымъ покоемъ. Вшедшій поспѣшилъ выскочить и бросился опротивѣть внизъ, къ караулнѣ. Второй звонокъ— „кто кричалъ слушай?“ и этотъ адъютантъ

или ординарецъ, не знаю, едва успѣлъ добѣжать до лѣстницы, какъ сильный звонъ заставилъ спѣшно войти всѣхъ бывшихъ на лицо въ передней. — „Кто кричалъ слушай?“ голосъ, коимъ сдѣлать былъ этотъ вопросъ, былъ знакомъ всѣмъ близкимъ; очевидно, терпѣнье императора истощилось. У караулни шла переборка — комендантъ, плац-майоръ, дежурный по карауламъ, караульный капитанъ, весь караулъ у сошекъ — а виноватаго нѣтъ, никто ничего не знаетъ. Воротившіеся изъ послышки въ страхъ стоять въ передней, глядя другъ на друга, никто не знаетъ что дѣлать. Еще звонокъ, и тотъ же вопросъ: „кто кричалъ слушай?“ встрѣчаетъ опрометью кинувшихся въ покои чуть не на порогѣ. Коменданта и весь причтъ его давно уже дрожь пробрала до костей; онъ кидается на колѣня передъ карауломъ и умоляетъ солдатъ: „братцы, спасите, возьми кто-нибудь на себя, мы умиловитимъ послѣ государя, не бойтесь, отстоимъ, онъ добръ, сердце отлажетъ“.

Гвардеецъ выходитъ изъ фронту и говоритъ смѣло: „я кричалъ, виноватъ“ Чуть не на рукахъ внесли его въ государеву приемную и напередъ уже, бѣгомъ, успѣли объявить императору, что нашли виноватаго, нашли!

Услыхавъ слово это, государь спокойно сѣлъ опять въ свои кресла и велѣлъ позвать его. Солдатъ вошелъ подъ весьма почетнымъ бонвоємъ и сталъ передъ государемъ, который, поглядѣвъ на него молча долго и пристально, спросилъ:

„Ты кричалъ слушай?“

— Я кричалъ, ваше импер. величество!

„Какой у него славный голосъ! въ унтеръ-офицеры его, и сто рублей за потѣху“.

3) Въ одномъ изъ ежедневныхъ приказовъ по военному производству, писарь — вспомните тогдашнее время, конецъ прошлаго вѣка — писарь расчеркнулся, такъ, что когда писалъ: „прапорщики-жъ такіе-то въ подпоручики“, то перенесъ на другую строку небывалое слово „Кижъ“, начавъ его еще съ прописной, размашистой буквы. Пробѣгая наскоро приказъ этотъ, императоръ принялъ слово это, съ прописною буквою, за коимъ слѣдовали прозванія, также за прозваніе одного изъ производимыхъ, и написалъ тутъ-же: „подпоручивъ Кижъ въ поручики“. На другой день, подпоручикъ Кижъ произведенъ былъ въ штабс-капитанъ, а на третій, подписывая приказъ, государь написалъ противъ него: „въ капитанъ“. И это сдѣлано. Никто не успѣлъ оглянуться, ни опомниться, какъ Кижъ произведенъ былъ въ полковники, съ отмѣткой: „вызвать сейчасъ ко мнѣ“. Тогда только бросились по приказамъ, гдѣ этотъ Кижъ? онъ оказался въ какомъ-то азовскомъ или ашшеронскомъ полку, гдѣ-то на Дону, и фельдъегерь очертя голову поскакалъ за нимъ. Можно вообразить изумленіе полкового командира, до котораго еще не успѣлъ дойти обычнымъ порядкомъ первый приказъ, о производствѣ прапорщика Кижы, какъ привезенъ былъ уже съ фельдъегеремъ послѣдній, о производствѣ его въ полковники, и когда, сверхъ сего, полковой командиръ не могъ понять, о чемъ и о комъ идетъ рѣчь, потому что въ полку его никогда никакого Кижы не было. „Есть же на свѣтѣ Чижь, подумалъ полковникъ, по-

чему бы не быть и Кижу, но только не въ этомъ полку". Фельдъегеръ подавно ничего не могъ тутъ объяснить и посказалъ, едва перекусивъ, обратно.

Донесеніе полковника, что въ полку его Кижъ нѣтъ и не бывало, вполношило все высшее военное начальство и канцеляріи ихъ. Бросились слѣдить по приказамъ, и наконецъ бѣдственный первый приказъ, о производствѣ Кижъ въ подпоручики, разъяснилъ дѣло. Между тѣмъ, государь уже спрашивалъ, не прибылъ ли полковникъ Кижъ—вѣроятно желая съ нетерпѣніемъ поздравить его генераломъ. Рѣшились доложить государю, что Кижъ умеръ.

„Жаль, сказалъ императоръ—былъ хорошій офицеръ“...

Москва, 15-го іюня 1870 г.

В. И. Дажъ.

Письмо короля польскаго Станислава Понятовскаго къ Валуюву.

1797 г.

Станиславъ Августъ (Понятовскій) сынъ Станислава Понятовскаго воеводы мазовецкаго и Констанціи Чарторижской, дочери князя Казимира каштеляна Виленскаго, род. въ Волчинѣ, имѣніи Чарторижскихъ 17 сентября н. с. 1732 год. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Августа III-го въ 1752 году, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, въ первый разъ явился депутатомъ на сеймѣ, и обратилъ на себя вниманіе даромъ слова. Послѣ путешествія во Францію возвратился въ Варшаву, и былъ назначенъ Августомъ III чрезвычайнымъ посланникомъ Речи-Посполитой въ С.-Петербургъ ко двору императрицы Елизаветы. На полѣ елецкійномъ подъ Волею, 7 сентября н. с. 1764 г., былъ избранъ королемъ польскимъ, и въ томъ же году коронованъ въ Варшавѣ примасомъ Владиславомъ-Александромъ Лубескимъ. Ему было тогда 32 года. Назначеніе историографа Адама Нарушевича, и данныя ему средства для написанія „Исторіи народа Польскаго“ была одною изъ важнѣйшихъ заслугъ короля для своего края. Станиславъ-Августъ царствовалъ 31 годъ. Въ 1784 году король секретно вступилъ въ бракъ съ Елисаветою Грабовскою, рожд. Шидловскою. Вѣнчалъ его—епископъ Албертранда, извѣстный историкъ. Въ Гроднѣ, въ 1795 году король подписалъ отреченіе отъ трона, именно 25-го ноября, въ годовщину его коронаціи.

Помѣщая ниже письмо послѣдняго короля Польскаго къ одному изъ придворныхъ лицъ императора Павла, напомнимъ обстоятельства, сопровождавшія водвореніе развѣнчаннаго короля въ Петербургѣ, къ каковой эпохѣ и относится печатаемый документъ.

Переѣздъ изъ Гродно до С.-Петербурга продолжался болѣе мѣсяца. Наконецъ, 6 (17) марта въ 6 часовъ вечера—король имѣлъ вѣздъ въ С.-Петербургъ. Его встрѣтили за 6 верстъ кн. А. Б. Куракинъ, 8 камергеровъ и другихъ почетныхъ лицъ у дачи кн. Литты. Весь поѣздъ ѣхалъ по улицамъ столицы въ 8-ми-окошечныхъ каретахъ. Императоръ Павелъ любовался на вѣздъ изъ оконъ дворца. Короля привезли во дворецъ, ввели въ тронную залу; императоръ а императрица сошли нѣсколько ступеней, обняли и поцѣловали гостя. Король обѣдалъ въ семействѣ императора, и, на первое время, слѣ-